

Баян БАРМАНКУЛОВА

НАТЮРМОРТЫ ГАЛЫМА ОСПАНОВА

Галым Оспанов посвящает время своей жизни натюрморту, хотя правильнее было бы использовать другое название жанра: «*stilleben*», «*still life*» – «тихая жизнь». Впрочем, иногда в его композициях много движения и даже как бы звуков – гула вещей, словно бы общающихся друг другом.

Известно, что изображение даров природы и рукотворных предметов началось с очень далеких времен. Сначала внутри всевозможных сюжетов, потом – как отдельное важное нечто. Даже один предмет может быть увиден как нечто ценное. Сходно в поэзии: «Незабудки. // Как много // Имя сказало!» (Исикава Такубоку). Композиция из нескольких участников: яблоко, груша, ваза – это уже повествование. Как у Фета, например: «Шепот, робкое дыханье, // Трели соловья...»

Натюрморт дает возможность постигать сугубо живописное, не отвлекаясь на проблемы внешней жизни и забывая, «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе» (Борис Пастернак). И неважно, что на это может уйти вся жизнь: ведь перед художником предстает манящая бесконечность – форма, пространство, цвет!

Пожалуй, натюрморт особенно хорош для интровертов, в уединении преобразующих краски в цвет, которому подвластна не только красота форм, не только свет и тень пространства, но и скользящие ощущения художника. Приступая к работе, каждый художник мечтает и стремится овладеть дуновением чувств, найти им цветовое-ритмическое-пространственное эхо, оживить композицию личностной интонацией в звучании образа.

Мир привлекателен для наблюдательного человека во всех своих проявлениях, а уж возникающих и сменяющих друг друга настроений не перечить. И каждому надо найти особое цветовое решение. Иногда объекты сбрасывают некоторые приметы конкретности, кажущиеся избыточными. Их характеристики стягиваются к простым определениям: круглое, вертикальное, малое, большое, мягкое, твердое. Место обитания обретает равноценное с ними значение. И тогда из динамичных переключек пространства и тающих абрисов, цветовых следов предметов и среды возникают образы, отмеченные поэзией чувств.

Свои модели Оспанов находит в доме. Иногда за окном: утро – вечер, лето – зима, свет – мгла. Чудесная вереница событий. Удивительно: то, что за окном, видится как некая мозаика, возникшая на стекле, что обладает волшебным свойством подчинять своей поверхности всё мгновенно увиденное – а это контуры и цвет («Мокрые деревья»). Иногда появляется желание уловить мелодию дождя, тумана, снега, солнечного света («Февральское солнце»). И даже – вот странность – пение птицы! Птица с раскрытым клювом и слово «поёт» рядом – это для комикса. На холсте, пожалуй, следует создать что-то вроде партитуры завораживающих звуков с помощью *рулад* цветовых пятен. Эдакая световая и цветовая запись промелькнувшего мига. Своеобразная азбука абстрактной живописи («Пение черного дрозда»).

Как ни притягательны эти задачи, главные персонажи находятся всё же в интерьере: плоды и цветы – желанные гости, стеклянные и керамические сосуды, драпировки – верные постояльцы. Художник и его модели находятся в одном пространстве. Здесь нет пусть и прозрачной, но всё же преграды, на которую проецируются детали изменчивого мира. Домашние предметы неизменны, всегда под рукой, молчаливо подчиняются воле владельца, составляющего из них разнообразные композиции.

Художник, как и поэт, смотрит на мир то вскользь (Сновиденье, // Пробуждение, // Тает мгла. – Фет), то пристально (Золотистого мёда струя из бутылки текла // Так тягуче и долго... – Мандельштам). Каждый предмет может явиться взгляду очень разное: как силуэт, как пятно цвета, как объем. Он курсирует в амплитуде живописно – декоративно, ясно – туманно. Смена характера формы происходит то в линейном времени, то в ритме качелей: туда – сюда, то по спирали: интерес к прежнему сюжету на другом уровне.

Композиции могут быть скромные или почти изобильные в наборе «персонажей», тихие или почти дерзкие по цветовому решению. Чаще всего они просты: на столешнице или в некоем пространстве располагается несколько предметов. Ничего эффектного или экзотического. Однако поскольку живописца волнуют то объемы в пространстве, то жизнь формы в световом потоке, то ритмы силуэтов, то сопряжение красочных пятен и цезур между ними, постольку одни и те же предметы предстают в композициях различно: или в полноте своих качеств, или в избирательности черт, или в абстрагировании от конкретности.

Когда внимание живописца притягивают конкретные качества предметов, на холсте возникают узнаваемые формы избранных объектов, с их фактурой и цветом. Они могут располагаться выразительно близко или далеко друг от друга, что наполняет изображение интригой отношений. В какой-то мере это театр, на сцене которого вместо актеров – вещи.

Когда художника волнует сосуществование вещей, он сводит предмет почти к знаку, пространство стягивает к фону, создает мелодии цвета – голубая, золотистая, серебристая гаммы, адекватные состоянию души художника в данный миг. Образуется некое декоративное целое, своего рода ткань бытия, внутри которой каждый предмет потерял кое-что от своей полноты, но зато теперь может удачно вписаться в ансамбль. Возникает некий социум вещей, несущий на себе отблески человеческих отношений. Из динамичных переключек тающих абрисов, мерцающего цвета рождаются образы, отмеченные поэзией ощущений.

Иногда, чтобы указать на ускользающую красоту вещей, художник смотрит на них словно сквозь матовое стекло, смягчающее очертания. Создает формы точечными мазками, чтобы впустить между ними фотоны света и освободить поверхности от зеркальной гладкости. Если сравнить живопись с речью, художника в таких случаях привлекают не столько замечательные слова, сколько контекст, не равный простой сумме дефиниций. К тому же точки-мазки, строящие поверхности предметов, – это ведь уловленное время жизни предметов, которые не явились на свет вдруг и сразу, словно Афродита из пены морской, но создавались постепенно рукой художника, постигающего в процессе работы и законы формы, и себя самого.

Натюрморт – самый камерный жанр искусства: можно всю жизнь просидеть в мастерской и писать накопившиеся здесь вещи. Однако этот жанр притягателен не только для тех, кто любит язык конкретных форм, но и для тех, кто желает говорить о мире, но не напрямую, а по касательной, когда предметы сообщают не только о себе, но означают и нечто иное – перипетии человеческой жизни.

В натюрмортах Оспанова чаще всего материализуется идея деликатного согласия, дружеской взаимосвязи, мирного диалога. Звучит тихая мелодия созерцания, неторопливого всматривания в то, что находится перед внешним и внутренним взором художника. Он бережно ощупывает границы предметов и чуткие паузы между ними, всматривается в поверхность, улавливает говоры их фактур, возвращает легкие и тяжелые объемы, хрупкие и прочные субстанции, прозрачные и плотные тени. В живой тишине его композиций встречаются разные количества сходных и несходных объектов: два яблока или шесть, которые

группируются в дуэт или в секстет, плоды и посуда, природное и цивилизованное, сырое и вареное, так сказать. Разномастные предметы иногда выстраиваются в шеренгу, словно меряясь значениями и разыгрывая почти человеческую драму отношений. Иногда словно прячутся друг за другом, спасаясь от простоты интерпретаций. И всегда предметы входят в общее пространство, чтобы подчеркнуть выразительность другого – иного, ведь только так может проявиться и собственная особенность.

Иногда у предметов нет жестких силуэтных линий и гладких зеркальных поверхностей. Они словно «покачиваются» в своих границах, ведь их полнота не может быть схвачена раз и навсегда. Непроницаемость оболочек под влиянием внутренних и внешних энергий исчезает, фактуры поверхности сообщают о происходящих процессах, и потому каждый предмет оказывается не молчаливой, но говорящей натурой.

По сути, основная тема натюрмортов Галыма Оспанова – сосуществование сходных и разных объектов (персонажей), предполагающее то нежность касаний и чуткость дистанций, умение слушать голоса других, то драматизм сопоставлений-столкновений в процессе утверждения собственной идентичности. И всякий раз необходимо решить сложную задачу: ввести трехмерный, шумный и хаотичный мир в двумерное и малое пространство картины. Да так, чтобы возникла стройная речь. Этим и озабочен Галым Оспанов. И когда это происходит, радость испытывает не только он, но и зритель, не чуждый живописи.

Нельзя не заметить, что постоянным персонажем натюрмортов Оспанова является яблоко. А как иначе?! Ведь художник – житель Алматы. Яблоко, большое или маленькое, красное, желтое, зеленое или пятнистое, в окружении других плодов или в соседстве с себе подобными, во всём блеске натурального бытия или тающего в потоке солнечного света – чудесная бесконечность художнического взгляда.

Особое яблоко – словно планета или звезда – предстало в композиции «Большое яблоко». И тут не могу удержаться от воспоминания: однажды ранним зимним утром (или в самом конце ночи) из окна автобуса, мчащегося сквозь пространство степи, я увидела огромный диск солнца, касающийся (или на миг остановившийся) своей нижней кромкой поверхности почти бесконечной снежной равнины. Этот ошеломляющий образ хранится в моей памяти уже много десятилетий. «Большое яблоко» Галыма Оспанова вызвало сходное чувство. Вероятно, в каждом из нас живет детское (мифическое) восприятие явлений природы и жизни. И это, пожалуй, – путь в искусство.

Галым Оспанов художественные идеи выказывает языком цвета, то близкого к природе, то стремящегося к обобщению, отсылающего воображение в пространство поэтических ассоциаций на границе зримого и знакомого миров. И, конечно, его волнует свет, который оживает в его полотнах благодаря особой игре цвета. Свету, особенно зимнему, он посвятил серию картин, обозначив их цифрами: «Зимний свет I» и так далее. И это замечательное зрелище.

Бывает, он, оставив на время удачные игры с живописными формулами, с горних высот абстракций спускается к нижнему миру конкретных явлений. А может, и напротив, совершает восхождение ко всегда зеленому дереву жизни. К счастью, нам в пространстве искусства и в реальной жизни необходимо и то, и другое.